

РЕЦЕНЗИИ

Карпов А.Ю. *Юрий Долгорукий*. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2007. 431 с., ил. [серия «Жизнь замечательных людей»]

Жизнь и деятельность князя Юрия Владимировича, позднее получившего прозвище Долгорукого, по понятным причинам продолжает привлекать внимание исследователей¹. Однако столь обстоятельный труд, как рецензируемая книга А. Ю. Карпова, выходит в свет впервые. Этот автор известен читателю биографиями Владимира Святославича и Ярослава Мудрого², выдержавшими уже два издания. Что же представляет собой его новая работа?

Книга состоит из пяти частей, постскриптума о судьбе останков князя, примечаний, родословных таблиц русских князей, основных дат жизни Юрия, списка карт и указателя имён и древнерусских письменных источников. Автор подробно рассматривает деятельность шестого из сыновей Мономаха в контексте истории Руси второй трети XII в. Перед нами предстают образы и других участников событий — Владимира Мономаха, его сыновей Вячеслава и Андрея, внуков — Изяслава и Ростислава Мстиславичей, а также Владимирка Володаревича, митрополита Климента Смолятича и других. Нельзя не отметить, что автор стремится быть объективным и понять «правду» каждой стороны в бесконечных распрях.

Остановимся на наиболее важных выводах и наблюдениях автора. Отмечая важность идейного обоснования в ходе междукняжеских конфликтов (как и в любой войне — или, более широко, внешней политике) (с. 175, 181), А.Ю. Карпов указывает, что до 1149 г. Юрий не разу не становился инициатором междоусобия (с. 180–181)³, а до 1154 г. не пытался захватить волости, на которые не имел отчинных прав, да и тогда это (т.е. временное овладение Рязанью) оказалось единственным случаем в его деятельности (с. 294). «Как и большинство князей того времени, Юрий отнюдь не был беспринципным властолюбцем, готовым на всё ради достижения своей цели» (с. 181). Цель же эта, как извест-

1 Из недавних работ можно назвать: Кучкин В.А. Юрий Долгорукий. *Вопросы истории*. 1996, №10. С. 35–56; Пчелов Е.В. *Великий князь Юрий Долгорукий, основатель Москвы*. М., 1997; Заграевский С.В. *Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество*. М., 2001.

2 Карпов А.Ю. *Владимир Святой*. М., 1997 (2-е изд. — 2004); он же. *Ярослав Мудрый*. М., 2001 (2-е изд. — 2005).

3 Изгнание Всеволода Мстиславича из Переславля в 1132 г. Юрий осуществил, по мнению А. Ю. Карпова, без применения силы (с. 180–181). Однако летописец прямо говорит: «Гюрги приехавъ с полком на нь», т.е. на Всеволода, что сложно понимать иначе как применение силы (*ПСРЛ* 1: 301).

но, состояла в борьбе за киевское княжение, которое «перехватил» Изяслав Мстиславич. Автор объясняет активность Юрия не только тем, что тот обладал преимущественными по сравнению с племянником правами на Киев (в конце концов, у Вячеслава таких прав было ещё больше), но и нежеланием дробить Суздальскую землю между сыновьями, что неизбежно вело к её ослаблению (с. 91). Можно сказать и проще — чем больше владений у правителя, чем больше его мощь.

А.Ю. Карпов указывает, что в середине XII в. понятие старейшинства претерпело изменения — его мог «примерять» на себя уже просто сильнейший из князей, а не тот, кто являлся старшим в роду. В то же время о полном превращении этого принципа в фикцию говорить тоже не приходится⁴, недаром Изяславу пришлось пойти на соправительство с Вячеславом, что лишило Юрия его главного идеологического козыря — опоры на собственное старшинство по отношению к племяннику (с. 155–156, 234–235).

Следует отметить, что это достаточно нестандартное решение свидетельствует о неординарности Изяслава как политика, чего, пожалуй, не скажешь о Юрии. Неудивительно, что последний не имел шансов закрепиться в Киеве, пока тот был жив. Куда большую ловкость демонстрировал и союзник Юрия Владимирко Володаревич, который сумел сохранить и укрепить свои позиции в условиях борьбы на востоке и на западе. Материал, приведённый в книге, как представляется, позволяет думать, что своим главным противнику и союзнику он уступал.

Конечно, и Юрий делал удачные шаги. Главным из них следует признать союз с Владимирко Галицким, без которого он не «мог более или менее уверенно чувствовать себя в Киеве» (с. 351). По мнению автора, именно Юрий первым применил в борьбе с Новгородом его продовольственную блокаду (с. 85). Правда, шаги эти напрашивались сами собой. К тому же всё-таки не Юрий первым применил блокаду Новгорода — она имела место ещё при Всеволоде Ольговиче⁵.

В чём же, по мнению автора, причина неудач Юрия, лишь в самом конце жизни утвердившегося на «златом» киевском столе, который, возможно, он опять потерял бы, если бы не кончина? А.Ю. Карпов указывает и на неумение Юрия «ужиться» с киевлянами, на неспособность ладить с князьями и чрезмерное упование на силу, на превосходство Изяслава как полководца (с. 156, 231, 244, 357–359). Отмечается в книге и то обстоятельство, что Киев утратил прежнее значение⁶, силами одного княжества его уже удержать не удавалось, но Юрий ещё не успел осознать этого и продолжал упрямо бороться за него, совершая подчас не самые обдуманные поступки — достаточно вспомнить его неразумный отказ вовремя покинуть Городец Остёрский, что сделало его поражение ещё более тяжёлым и унижительным (с. 235, 237, 254–257).

4 Толочко А.П. *Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология*. К., 1992. С. 38–39, 46.

5 ПСРЛ 1: 309: «ни жито к ним (новгородцам. — А.К.) не идяше ниоткуда же».

6 Хотя, вообще говоря, этот тезис как минимум требует серьёзных оговорок (см., напр.: Толочко П.П. Киев и Южная Русь в период феодальной раздробленности. *Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв.* М., 1974. С. 223–233).

В чём же, по мнению автора, значение деятельности шестого сына Мономаха? «Бедный Юрий... Если бы только он мог знать, *что* именно прославит его имя в веках! Не победы на поле брани (которых, правда, было меньше, чем поражений), не то, что он достиг-таки киевского стола и умер киевским князем, не мирный договор с половцами и не союз с Царьградом. Нет, «обед силён», данный им когда-то на берегах Москвы своему союзнику Святославу Ольговичу». Но в этом есть свой смысл — ведь основание Москвы отражало факт освоения земель северо-восточной Руси, которые именно благодаря деятельности Юрия и перестали быть «медвежьим углом», превратившись в колыбель Московского княжества, а затем и всего государства Российского. Обустройство этих краёв имело одну цель — превратить их в базу для борьбы за Киев, который стоял в его глазах много выше. Но, как это нередко бывает в истории, «побочный» результат его политической деятельности обернулся главным его историческим завоеванием» (с. 367–368).

А. Ю. Карпов отмечает некоторые интересные особенности в освоении тех краёв. Здесь начали возводить белокаменные храмы в отличие от прежних деревянных и кирпичных (точнее, плинфовых). Юрия не остановило то, что такие постройки стоили в десять с лишним раз дороже. И именно к этому времени относятся древнейшие из сохранившихся до нашего времени белокаменные (да и просто каменные) сооружения Северо-Восточной Руси. Благодаря привлечению галицких мастеров произошли серьёзные изменения в типе храма. Автор приводит в связи с этим сравнение Юрия с Петром I, ибо в обоих случаях столь масштабные перемены произошли по воле одного человека. Вспоминается первый русский император и в случае с основанием Переяславля Залесского, основанного князем в болотистой низине, лишённой естественных укреплений, причём Клещин, откуда Юрий «перевед» новый город, был расположен с точки зрения обороны куда удобнее (с. 269–270).

Хотелось бы также остановиться на некоторых спорных моментах. Книга богата фактическим материалом, благо летописи, церковная литература и прочие источники предоставляют его немало. Автор по мере сил старается оценивать их критически, однако принимает на веру многое из того, что вызывает серьёзные сомнения. Так он пишет, что Владимир Мономах в период после 1093 г. «сумел утвердить свой нравственный (? — *А.К.*) и политический авторитет в русском обществе, стать... самым влиятельным среди всех русских князей» (с. 16) — точка зрения, в общем-то, традиционная в историографии. Но, как известно, *ПВЛ*, сведения которой и дают основания для подобных выводов, подаёт материал 1093–1100 гг. в откровенно в промонаховской трактовке⁷. То же касается и Ростислава Мстиславича, которого, по словам А.Ю. Карпова, отличало такое «редкое качество для правителя», как совестливость (с. 143). Между тем *Киевский свод*, лежащий в основе благоприятных для Ростислава сообщений *Ипатьевской летописи*, подвергался выгодному для этого князя ре-

7 См., напр.: Присёлков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Л., 1940. С. 37.

дактированию⁸. Автор повторяет без комментариев передаваемые летописцем слова киевлян о нежелании видеть своим князем Вячеслава и их предложение Изяславу убить дядю (с. 216–217)⁹. Однако и здесь следует помнить о том, что Изяслав – один из любимых героев автора *Киевского свода*¹⁰, таким образом хотевшего оправдать последующие неблагоприятные действия Изяслава по отношению к Вячеславу, которого он бесцеремонно выгнал из Киева. Конечно, полностью нельзя исключить, что подобные слова произносились, но речь могла идти лишь о сторонниках мономахова внука, рассказ же летописи (а вслед за ним и нашего автора и не только его) создаёт впечатление, что Изяслав удалил дядю из Киева едва ли не из заботы о его безопасности. По крайней мере, не мешало бы сделать соответствующее примечание.

Распре Юрия и Мстиславичей А.Ю. Карпов придаёт принципиальный характер: речь шла-де о разных подходах: дядя при наследовании киевского стола выступал за «старейшинство», а племянники — за «отчину» (с. 156). Но те или иные принципы обычно использовались лишь до тех пор, пока это было выгодно. Ведь по «отчине» Киев должен был бы принадлежать потомству Изяслава Ярославича¹¹, да и в любом случае Юрий игнорировал права Вячеслава, а Ростислав бросился в бой за Киев после смерти Вячеслава, союз с которым обеспечивал его легитимность как киевского князя, кончина же последнего из Мономаховичей его такой легитимности лишала. Посему ни о каких «подходах», кроме чисто эгоистических, здесь говорить не приходится.

То, что Юрий не мог достичь взаимопонимания с киевлянами, видимо, соответствует истине, хотя благоволивший Изяславу летописец кое в чём явно сгустил краски. Однако когда автор пишет о причинах такого положения дел, то согласиться с ним трудно: он утверждает, в частности, что Юрий был первым князем за последнюю четверть столетия, который не заключил «ряда» с киевлянами, а также опирался исключительно на суздальцев (с. 231, 357–359). Между тем из предшественников Юрия за последние 25 лет нечто вроде ряда заключал с киевлянами только Игорь Ольгович¹². Что же касается второго тезиса, то нет сведений, что шестой Мономахович опирался только на суздальцев, тем более что в дружине его были и киевляне¹³.

На с. 203–204 автор рассуждает о взглядах русских книжников на «латинство» и о времени окончательного разрыва с ним, которое отнесено в книге к

8 См. Вилкул Т.Л. «Людье» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. К., 2007. С. 27 и прим. 55 (с указанием литературы).

9 ПСРЛ 2: 396–397.

10 См., напр.: Вилкул Т.Л. «Людье» и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. С. 181, 285. Как предполагает М.Д. Присёлков, правление этого князя описывал один из его приближённых, возможно, дружинник (Присёлков М.Д. *История русского летописания...* С. 53).

11 Таков, возможно, был смысл завещания Ярослава Мудрого (Пресняков А.Е. *Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории*. М., 1993. С. 50), хотя равным образом допустимо, что на его внуков оно не распространялось (Tolochko O. “All the Happy Families...” *The Rurikids in the Eleventh Century*». *The Neighbours of Poland in the 11th Century* (Warsaw, 2002), 162.

12 ПСРЛ 2: 321–322.

13 Вилкул Т.Л. «Людье» и князь. С. 190, 264.

середине XIII в. Определённые основания для такой датировки есть, однако среди событий, повлиявших на такое развитие событий, странным образом не упомянуто взятие крестоносцами Константинополя в 1204 г., которому в летописи посвящена отдельная и весьма подробная повесть¹⁴, что свидетельствует о немалом впечатлении, произведённом этой катастрофой на интеллектуальную элиту русского общества.

В заключение можно сказать следующее. Работа в силу характера серии ЖЗЛ носит научно-популярный характер, и потому следование устоявшимся (но увы, не всегда верным) мнениям можно понять — не просто пересматривать утвердившиеся точки зрения в книге, рассчитанной на широкий круг читателей. И всё же в предшествующих книгах А.Ю. Карпов более тщательно анализировал источники и литературу, к тому же наиболее сложные построения можно дать в примечаниях, которые неспециалист при желании пропустит. Здесь же автор пошёл по обычному пути, пересказывая летописи и сопровождая их сведения комментариями, но реже, чем следовало бы, подвергая сами эти сведения критическому анализу.

Тем не менее работа А.Ю. Карпова представляет определённый интерес, являясь первой обстоятельной и достаточно профессионально выполненной (а также отличающейся хорошим литературным изложением) биографией Юрия Долгорукого, сыгравшего столь заметную роль в русской истории XII в.

Антон Короленков

14 ПСРЛ 3: 240–246.